

Куриный бульон для души. 101 рождественская история о вдохновении, любви и чуде

Автор:

[Эми Хансен](#)

Куриный бульон для души. 101 рождественская история о вдохновении, любви и чуде

Марк Виктор Хансен

Джек Кэнфилд

Эми Ньюмарк

Куриный бульон для души

В детстве, когда вы болели, ваша бабушка давала вам куриный бульон. Сегодня питание и забота нужны вашей душе. Маленькие истории из «Куриного бульона» исцеляют душевные раны и укрепят дух, дадут вашим мечтам новые крылья и откроют секрет самого большого счастья – счастья делиться и любить. Одинокая вдова получает рождественский подарок... от покойного мужа. Семейная тайна связывает несколько поколений женщин. Кто-то получает на Рождество игрушки, а кто-то – родителей. Мальчик пережил горе утраты, но продолжал дарить любовь. Нет денег – нет подарков? Или необязательно... И другие 96 поразительных историй, от которых вы не сможете оторваться.

Джек Кэнфилд, Марк Виктор Хансен, Эми Ньюмарк

Куриный бульон для души. 101 рождественская история о вдохновении, любви и чуде

Глава 1

Рождество уже близко!

Когда поют ангелы

Ангелы могут влетать прямо в сердце всего сущего.

Неизвестный автор

За два дня до школьного представления моя младшая дочь заявила:

– Я пою «Тихую ночь»!

– Прямо сейчас? – уточнила я.

– Нет, в нашей пьесе. У меня сольный номер, – гордо объявила она.

– Что такое сольный номер? – я хотела проверить, понимает ли она, о чем говорит.

Но она понимала все правильно, и я задумалась. Шарлотта любит петь. Она поет в ванной, в машине – повсюду. Но, увы, у нее почти нет музыкального слуха. В тот год она пела уже лучше, чем раньше, и я надеялась, что со временем она научится слышать музыку. Однако этого прогресса вряд ли было достаточно, чтобы исполнить соло.

Мне не хотелось высказывать вслух сомнения в ее способностях. Я напомнила себе, что нет ничего невозможного, особенно в начальной школе, и перестала задавать вопросы.

Моя старшая дочь к тому времени уже жила отдельно, а в доме оставалось двое девочек-подростков. Вторая появилась у нас неожиданно: родителей лучшей подруги моей средней дочери внезапно перевели на другое место работы, им пришлось переехать, а их дочка поселилась у нас до конца учебного года.

Через два дня после заявления Шарлотты моя средняя дочь Моника и наша временная дочь Корина сообщили, что они тоже участвуют в школьной рождественской постановке. У Корины был сольный номер, а Моника играла на фортепиано. Все происходило в один и тот же вечер. Вопрос: как мне оказаться в двух местах одновременно? К счастью, выяснилось, что старшие девочки выступают на час позже младшей. Я могла успеть!

Но все пошло не так. Я оставила Шарлотту за кулисами и ушла в зрительный зал, но через пять минут дочка уже стояла передо мной. Ее глазки блестели от слез, а губы так тряслись, что она не могла говорить.

– Милая, что случилось?

К нам подошла учительница.

– Миссис Стайлз, произошла ошибка. Шарлотту не выбрали в состав хора, и она почему-то решила, что будет петь соло. Боюсь, у нас нет для нее роли. Мне ужасно неловко...

Глядя на печальное лицо своей дочери и чувствуя, что во мне нарастает материнская ярость, я подумала: «О, вы даже не представляете, как вам будет неловко, когда я с вами разберусь!».

– Мама, может, уйдем? – прошептала убитая горем Шарлотта.

– Конечно, детка, – сказала я, бросив на учительницу выразительный взгляд.

Сейчас главное было – склеить разбитое сердце моей дочери.

Подростки, может, и зациклены на себе, но они всегда замечают, кто находится рядом. Наверное, это у них от опасения, что их застукают за каким-то запретным занятием.

Девочки сразу обнаружили нас в зрительном зале. Перед этим я предложила Шарлотте съесть где-нибудь по мороженому, но ей очень хотелось увидеть, как выступают Корина и Моника.

– Что-то вы рановато.

Девочки синхронно вертели головами, как попугаи, переводя взгляд с меня на Шарлотту и обратно. Они ждали объяснений. Я в двух словах описала ситуацию, опасаясь новой волны слез. На лицах у обеих отразилось искреннее сочувствие.

– Шарлотта, пойдем с нами. Посмотришь представление из-за кулис и познакомишься с нашими друзьями.

Конечно, никакое мороженое и в сравнение не идет с приглашением пообщаться с «крутыми» ребятами!

Я забыла взять программку и понятия не имела, когда выступают мои дочери. Но после второго акта Корина вышла на сцену и взмахнула рукой. Из-за кулисы появилась Шарлотта. Увидев маленькую девочку, зрители замерли. Заиграла музыка, Шарлотта подняла глаза на Корину и, когда та кивнула, затянула «Тихую ночь». Корина присоединилась к ней, и ее мягкое сопрано скрыло все ошибки малышки. Они пели чарующе. Зрители задержали дыхание. Слезы текли по щекам не только у меня.

Пока девочки пели, в мою руку скользнула рука Моника, и мы обе ощутили всю прелесть Рождества. От моих переживаний не осталось и следа, ведь я смотрела удивительное представление, срежиссированное самим Богом.

Когда они ушли со сцены, зрители вскочили и обрушили на них целый шквал аплодисментов. Корина вернулась, чтобы спеть свое соло. Тогда я спохватилась, что мы увидели еще не все.

– Моника, почему ты не за кулисами? – прошептала я.

– Мне не надо, – улыбнулась она. – Я отказалась от своего выступления, чтобы мелкая смогла спеть.

Сколько раз я видела, как сестренки спорили и ругались! Не помню, чтобы они хоть раз искренне сказали друг другу: «Я люблю тебя». А теперь они сказали это – не словами, а делом. Рождество для меня наступило задолго до того, как мы пошли в церковь, открыли подарки и сели ужинать. У меня на глазах свершилось чудо – три ангела спели свою песню.

Мелани Стайлз

Рождественская печаль

Нет в мире лучше психиатра, чем щенок, лизнувший вас в лицо.

Бен Уильямс, актер

Если ваши дети уже обзавелись семьями, им приходится выбирать, к чьим родителям отправиться на Рождество. Я называю это «синдромом каждого второго праздника». В нечетные годы выигрывают родители жены, а в четные – родители мужа. Но порой случаются непредвиденные обстоятельства, и маме с папой приходится встречать Рождество в одиночестве.

В тот год мы остались без праздника. Ладно, справимся, мы же взрослые люди, твердили мы с мужем. И мы бы справились, но наша любимица, золотистый ретривер Никки, незадолго до Рождества заболела, и пришлось ее усыпить.

Мы были безутешны. Я рыдала. Мой муж Кен держался изо всех сил, но, конце концов и он сорвался. Все это было ужасно.

Неделю спустя у нашей пятнадцатилетней бордер-колли Джинджер, ослабевшей из-за артрита и одиночества после смерти Никки, отнялись ноги. Мы снова отправились к ветеринару, и это едва не стало последней каплей. Джинджер мы когда-то нашли на улице и приютили, а она ответила нам любовью и

преданностью. Приближение Рождества отошло на второй план и померкло рядом с нашими потерями.

Утром в канун Рождества Кен проснулся, полный энергии и энтузиазма. Я еще не оправилась от тоски по любимым собакам и только фыркнула на его совет не вешать носа.

– Скоро вернусь, дорогая! – крикнул он, выходя из дома, и я решила, что он просто захотел погрустить в одиночестве.

В доме царил мертвая тишина, над нашей горой поднималось розоватое солнце. Я стояла у окна, пытаюсь собраться с силами, и мечтала, чтобы в праздник рядом оказались все мои шумные внуки.

Около полудня Кен вернулся. Он въехал во двор, открыл дверцу пикапа – и оттуда вывалился трехцветный шерстяной комок. Что это? Я протянула руки, и ко мне по снегу помчался десятимесячный кеесхонд (голландский волчий шпиц), которого Кен взял из приюта. Мы так обрадовались друг другу, словно этот виляющий хвостом, повизгивающий пес давным-давно стал моим приятелем. Я в жизни не видела такого очаровательного щенка. Карие глаза так и молили: «Пожалуйста, возьмите меня к себе!» Неудивительно, что Кен не устоял.

Виляя кудрявым хвостом, Кеша обнюхивала все уголки нашего ранчо. Она каталась и играла в снегу, знакомясь с котятами, ослами, гусями и утками. Она даже не пыталась нападать на них, кусаться или царапаться. Она была просто чудом!

Мы взяли ее с собой в деревню на рождественский ужин, а затем отправились в зоомагазин, чтобы купить игрушки и подходящий ошейник. Но она даже не взглянула на глупые игрушки – ей хотелось лишь быть возле нас, служить нам, слушать наши разговоры и быть бесконечно любимой.

Довольная жизнью, пушистая собачка улеглась возле нашей огромной кровати и не сходила с места, пока мы смотрели по телевизору рождественскую службу. С тех пор прошло двенадцать лет, но она всегда лежит на этом месте с десяти до одиннадцати вечера, даже если нас нет рядом.

В рождественское утро нам позвонили дети, и мы радостно говорили с ними, слушая звонкие голоса внуков, доносящиеся к нам за многие мили. Вместо того чтобы бродить по дому, страдая от одиночества, мы взяли своего нового щенка и отправились в местный филиал «Армии спасения». Нас встретила капитан мисс Би, я начала накрывать на стол, а Кен отправился чистить картошку. Кеша так боялась, что ее снова оставят одну, что тихо, как мышка, сидела в коридоре, не сводя с нас глаз, пока шнауцер мисс Би скакал вокруг нас кругами.

Пришли другие волонтеры, вместе мы поставили на стол индейку и ветчину. В столовой стало многолюдно – она наполнилась бедняками и бездомными, которые пришли поужинать в тени дома Господа. В тот момент мы с Кеном забыли о своей рождественской печали и снова поверили в Бога. Рождество стало значить для нас еще больше, чем прежде.

Тем вечером мы втроем, усталые, вернулись домой и устроили поздний рождественский ужин для птиц и ослов. Наша усталость была приятной – это была усталость людей, которые в очередной раз вспомнили о христианской радости делиться и отдавать и встретили лучшее Рождество в своей жизни.

Кэйт Кэмпбелл

Рождественские воспоминания

Каждый день нашей жизни мы открываем вклады в банках памяти наших детей.

Чарльз Свиндолл, американский пастор, педагог и проповедник Из книги «Крепкая семья»

– Бабушка, я уже был в этом отеле!

Мы с моим семилетним внуком Бренденом ехали к моей матери, чтобы отметить День благодарения, и он увидел из машины отель «Рэдиссон». Конечно, все «Рэдиссоны» выглядят одинаково, но я все же спросила:

– Правда? И когда ты там был?

– Ты же знаешь! – ответил он. – Вы с дедушкой привели сюда нас с Мэдди есть мороженое после музыки без слов.

Вначале я не поняла, о какой «музыке без слов» он говорит.

«Точно! Симфонический оркестр!» – вспомнила я наконец и восхищенно посмотрела на Брендона. Мы с моим мужем Гэри действительно водили внуков послушать симфонический оркестр, а затем завернули в «Рэдиссон», чтобы попробовать их знаменитые профитроли. Но ведь это было два года назад! Значит, Брендон запомнил прекрасный вечер, который случился, когда ему было всего пять лет.

Я поняла, как это важно. Каждое воспоминание маленького ребенка становится картинкой, из которых потом будет складываться его прошлое. Этим нельзя пренебрегать. Мой разговор с Бренденом навсегда изменил наши семейные рождественские обычаи.

У нас с мужем много детей и внуков. Когда мы поженились, наши дети уже были взрослыми, поэтому мы избежали проблем, обычных для молодых семей. И все же праздники всегда приходилось планировать заранее. Все стало еще сложнее, когда наши дети создали свои семьи и мужья и жены привнесли в их жизнь новые привычки.

Мы пробовали встречать Рождество традиционно. Я несколько дней готовила еду и пекла пироги, но мы никак не могли выбрать подходящее время для праздника. Мы устраивали ужины накануне Рождества и обеды в Рождество, а однажды даже организовали рождественский бранч, но нам ни разу не удавалось согласовать свои планы с семьями наших невесток и зятьев. Дети приходили к нам, садились за стол, уставленный лакомствами – индейка, ветчина, множество гарниров и чудесных десертов, – брали по кусочку, и их тут же увозили на другой праздник.

Я переживала, что в мире, где каждый седьмой ложится спать голодным, готовить такой обед и не съесть его – непозволительная роскошь. Нам хотелось, чтобы дети проводили с нами больше, чем жалкие пару часов, ведь в Рождество семья должна быть вместе.

У нас появлялись внуки – их уже тринадцать, – и нам стало непросто покупать всем подарки.

И тут мой внук вспомнил о вечере, который два года назад провел с бабушкой, дедушкой и двоюродной сестрой.

После этого мы начали планировать особенное Рождество. Первым делом мы с Гэри решили отказаться от материальных подарков – теперь мы будем дарить нашим близким воспоминания. Для этого требовалось время, а потому само Рождество пришлось перенести на другой день, отбросив традиции, как смятую подарочную обертку.

Мы арендовали домик на озере Шейвер в центральной Калифорнии, где зимой нередко выпадает снег. Место оказалось удобным для всей семьи, и мы с мужем уехали туда на неделю, включавшую и рождественские праздники.

– Рождество теперь наступает не 25 декабря, – объявили мы в тот год. – Оно наступает, когда приезжают наши близкие.

Детям было непросто смириться с этим нововведением, зато внуки сразу ухватились за возможность устроить себе настоящее приключение.

Мы никогда не знаем, кто к нам приедет, когда и надолго ли. Бывают дни, когда мы остаемся одни: тогда мы отдыхаем, читаем у камина и дремлем. Когда кто-то приезжает, я готовлю рождественский ужин. Это не традиционное пиршество, а просто любимые блюда наших гостей. Деньги, которые мы прежде тратили на машинки, кукол Барби и новомодные игрушки, теперь уходят на аренду домика и еду на всю неделю.

У нас большая, шумная семья. Мы собрали «коробку игр», и мне нравится сидеть с чашкой кофе, наблюдая, как дети и внуки играют в настольные игры, собирают пазлы или режутся в «Уно» картами, которые слепой Гэри подписал шрифтом Брайля. Иногда компания лыжников отправляется кататься с горы.

Мы завели «коробку ботинок», где храним запасную одежду на случай снегопада, и всегда берем с собой пачку фотоальбомов с семейными

фотографиями – и воспоминаниями – о прошлых рождественских ужинах и старых прическах.

Кто-нибудь привозит елку. Мы наряжаем ее игрушками и фонариками, а когда внуки были маленькими, мы выдавали им коробку с блестками и клеем, чтобы они делали украшения своими руками. Бывало, серебристые звезды, блестящие ангелы, ватные снеговики и картонные олени висели только на нижних ветвях, потому что выше детям было не дотянуться.

Однажды елка появилась у нас только в конце недели, поэтому вместо нее мы использовали оранжевый торшер родом из 1970-х. Когда мы спрашиваем у внуков, какая елка запомнилась им больше всего, они смеются и наперебой кричат: «Елка-лампа!» Елка-лампа стала для всех нас забавным и счастливым воспоминанием.

Каждый год наши близкие устраивают себе праздники по своему вкусу, но обычно все успевают заглянуть к нам хотя бы на пару дней. Проводя время вместе и не чувствуя, что нужно куда-то бежать, наши дети снова стали близки друг другу, а все тринадцать внуков подружились.

В прошлом году выросший Брендон приехал к нам в домик с очаровательной молодой женой. А следующий праздник будет еще веселее – они привезут с собой маленького сынишку, чтобы тот поиграл со своей троюродной сестрой, дочкой Мэдди. Наша растущая семья надолго запомнит и это Рождество.

Айрин Морс

Вечеринка с печеньем

Никто не заставит вас почувствовать себя неполноценным без вашего согласия.

Элеонора Рузвельт, общественный деятель, супруга президента США
Франклина Делано Рузвельта

Я положила портфель на кухонный стол и пробежалась глазами по золотистым буквам на открытке цвета слоновой кости. «Вас приглашают на праздничную вечеринку с печеньем», – говорилось в открытке. Приглашение исходило от замечательной, творческой и влиятельной женщины, с которой я познакомилась всего месяц назад. Я была удивлена и счастлива, что она позвала меня на такой вечер.

В приглашении указывалось, что каждый должен принести с собой домашнее печенье. Предполагалось, что, попробовав все печенье, мы унесем с собой по пакету сладостей для родных. Мне понравилась идея порадовать своих дочерей-подростков таким количеством домашних лакомств. Я представила, как наша гостиная наполнится милыми корзиночками с сахарными звездочками, щедро политыми красной или зеленой глазурью. Затем я подумала о корзинке печенья в форме Санта-Клаусов и приятном аромате имбирных оленей. Мне сразу же захотелось съесть пирожное-картошку, отхватить кусочек мягкого ириса и откусить немного кекса с изюмом. Я погрузилась в мечты о печенье с мармеладом, о торте с джемом и о чудесном масляном печенье с орехами, которое просто тает во рту.

И тут я сообразила, что попала в переплет. Женщина, приславшая мне это удивительное приглашение, работала в инновационной компании. Нет сомнений, что на праздник не просто принесут красивое и вкусное рождественское печенье, но и необычно подадут его. Я даже не задумалась о наряде – все мысли были заняты тем, что испечь.

До этого я никогда не пекла ничего более интересного, чем комковатое шоколадное или овсяное печенье. Но такое угощение никого не впечатлит, и я окажусь отверженной и опозоренной. И почему только мама не любила печь и не учила меня? Она готовила только самое простое печенье – шоколадное и овсяное.

Погруженная в эти мысли, я включила чайник и открыла холодильник, чтобы найти что-нибудь на ужин. Я потягивала чай, кипятила воду для макарон и подогревала на сковородке соус маринара с грибами из фирменной банки, одновременно обдумывая свое положение. Когда макароны уже пора было откидывать на дуршлаг, у меня возникла идея, и я немедленно набрала номер.

– Если я решу пойти на эту вечеринку с печеньем, ты поможешь мне подобрать рецепт и придумать, как преподнести свою стряпню? – спросила я у своей

подруги Джудит, которая была настоящим мастером выпечки.

– Конечно! – ответила она.

Джудит была уверена в себе и умела достойно держаться – на этой вечеринке без таких качеств было не обойтись. Я даже подумала, не отправить ли ее вместо меня, наказав принести мне пакет сладостей.

Я сообщила дочкам, что через пару недель у нас намечается личный фестиваль печенья. Так как мы обычно покупали сладости в магазине и довольствовались печеньем, произведенным на огромных фабриках, они ужасно обрадовались.

Через неделю я получила по почте толстый конверт: Джудит подобрала для меня несколько «простых» рецептов на выбор. Я улыбнулась, глядя на картинки. Печенье выглядело замечательно и прекрасно подходило для праздника – с ним я точно оказалась бы на высоте. Но прочитав пошаговые инструкции, я впала в отчаяние. Чтобы приготовить такое печенье, требовались кулинарные навыки, которых у меня не было. К тому же для каждого рецепта нужна была особая сковорода, какое-то диковинное кухонное приспособление, термометр или некий незнакомый мне ингредиент. Нет, я с этим не справлюсь!

Вечеринка приближалась, а у меня не было ни рецепта, ни печенья, ни плана, ни наряда.

В итоге за ужином я сказала:

– Наверное, я не пойду на вечеринку с печеньем.

– Как?! – возмутилась Сара. Ей было тринадцать, поэтому к обещаниям и планам она относилась очень серьезно. Вдобавок она обожала сладости и с нетерпением ждала возможности попробовать что-нибудь новенькое.

– Я не знаю, что приготовить. Не могу же я прийти туда с тарелкой корявого шоколадного печенья. – У меня в горле встал ком. Я пожалела, что не похожа на свою маму, которая может приготовить шоколадное суфле из того, что попало под руку.

– Но почему? – удивилась моя старшая дочь Джессика, которая даже в праздники носила черное, тяготея к готическому стилю. Серьезно взглянув на меня, она сказала: – Все притащат какое-нибудь сложное печенье в глазури и сахаре, а ты продемонстрируешь старый, добрый подход к праздникам – рабочий средний класс и все такое. Эта простота будет выглядеть оригинальной.

Я обдумала ее слова. В крайнем случае, я смогу притвориться, что первый раз в жизни вижу это печенье и не имею к нему отношения.

В тот вечер мы с девочками приготовили шоколадное печенье и, как обычно, выложили его в простую жестяную банку, выстеленную алюминиевой фольгой. Ради праздника я прикрепила к банке блестящий красный бант. Затем дочери прошлись по моему гардеробу и помогли мне выбрать платье.

В простых, проверенных временем рецептах что-то есть. Они безыскусные, неказистые – но прекрасные, ведь с ними ты как будто снова возвращаешься домой.

Когда я пришла на вечеринку, мне показалось, что я попала в сказку. На окнах сияли фонарики, в гостиной стояла пушистая и нарядная елка. Стол был похож на обложку декабрьского номера журнала «Гурмэ». Звездочки, сердечки, рождественские елки, снеговики и прочие символы праздника блестели от глазури. Одно печенье лежало в самодельных венках. Другое – в вазочках в виде звезд и елок. Вокруг фруктового кекса стояли малюсенькие олени. В очаровательной плетеной корзинке, выложенной красным бархатом, белели легчайшие меренги. В коробке, обклеенной подарочной бумагой, лежал ореховый торт, а на серебристом сервировочном блюде рассыпалась целая галактика звезд. Я с восхищением рассматривала угощения, одновременно подыскивая укромный уголок, чтобы поставить мою банку с шоколадным печеньем. В конце концов я устроила ее между карамельными тросточками и имбирными Санта-Клаусами.

Хозяйка предложила мне бокал шампанского и познакомила с несколькими женщинами. Затем она объявила:

– Пора разбирать печенье!

Она выдала каждой из нас по большому серебристому подарочному пакету и посоветовала не стесняться. Подойдя к столу, я украдкой взглянула на свой скромный вклад в это торжество. Что, если никто не возьмет ни кусочка? Что, если мне придется унести всю банку домой? Что, если... Эти невеселые мысли роились у меня в голове, пока я наполняла свой пакет всевозможными вкусностями.

– А кто принес шоколадное печенье?

В комнате стало тихо. Я уставилась на поднос с прекрасными пирожными, не зная, как быть. Но молчание тянулось, и я обреченно произнесла:

– Это я.

Хотя я сказала это очень тихо, мне показалось, что мой голос разорвал тишину, словно усиленный громкоговорителем.

– Какая интересная идея! – сказал кто-то.

– Да, я об этом даже не подумала. Так уютно! Напоминает о маме и доме, – подхватила другая гостья.

Вздыхнув с облегчением, я положила в пакет три пирожных и направилась к имбирным оленям.

В тот вечер мы с дочками устроили настоящий пир – у нас было печенье всех сортов.

– А знаешь, мам, – наевшись, сказала Джессика, – твое печенье ничуть не хуже остальных. Пусть оно не очень красивое, но такое же вкусное.

– Даже вкуснее, – добавила Сара.

Я улыбнулась и вспомнила, как мама пекла печенье, когда я была маленькой. Все же в простых, проверенных временем рецептах что-то есть. Они безыскусные, неказистые – но прекрасные, ведь с ними ты как будто снова

возвращаешься домой.

Дебора Шоуз

Украшая венки

Незнакомцы – это друзья, с которыми вы еще не встретились.

Род Мак-Кьюн, поэт, музыкант, исполнитель

Для меня Рождество наступает в октябре, когда я слышу переключку улетающих на юг гусей, а температура по ночам опускается все ниже, отмечая неизбежный конец лета.

Я делаю венки. Октябрьским утром я еду в небольшую местную теплицу, где у огады еще цветет мальва. Луковицы многолетников уже закопаны в землю, все вокруг пестреет оттенками коричневого и серого, а ветер гоняет по дорожкам последние яркие осенние листья. Возле мастерской стоит прицеп, куда мои коллеги загружают связки свежих пихтовых веток, только что привезенные с севера. За семь недель мы используем около восемнадцати тонн пихты, чтобы сделать более 4000 венков, большую часть которых продадут местные бойскауты.

Я занимаюсь этим уже восемь лет. Нас немного, и состав наш каждый год меняется. Жизнь не стоит на месте, поэтому каждый раз, когда мы приезжаем сюда, никто, кроме одного-двух постоянных работников, не знает друг друга. Мы – домохозяйки, пенсионеры, студенты и безработные. Мы не гонимся за деньгами, да и к карьере это не имеет отношения.

Мы собираемся в маленьком домике, который однажды превратили в мастерскую. Сейчас там хранятся огромные мотки красной ленты, сосновые шишки и яркие миниатюрные подарочные коробочки. Возле ящиков с толстой проволокой лежат пластиковые ягоды и листья пуансеттии[1 - Пуансеттия (Рождественская звезда) – растение семейства молочайных с яркими красными

цветами. Пуансеттией украшают дома на Рождество в Америке и Европе.]. Рядом с двумя самодельными машинами, которые зазубривают кольца, чтобы закреплять пихту, сложены круглые металлические заготовки разных размеров.

Чтобы маленькие пучки веточек напоминали роскошные веера, ломать их надо особым способом. Мы делимся на две группы: одни ломают ветки, а другие украшают венки. Усердная работа в спокойной атмосфере среди постоянного хруста как будто сглаживает острые углы нашей жизни. Случается, семнадцатилетний парень отпустит глупую шутку, перетаскивая вязанки пихтовых лап, и мы хохочем – не как серьезные взрослые, а как свободные дети. Этот смех я храню в своей памяти.

Политические, экономические, религиозные и социальные различия, которые в других ситуациях могли бы встать между нами, отступают перед тем, что нас объединяет. Мы освобождаемся от всего лишнего и погружаемся в мир краткосрочной дружбы, которая требует от нас просто быть самими собой. Мы не пытаемся никого судить, а потому с легкостью признаемся друг другу в том, о чем не рассказываем даже самым близким. Мы делимся историями о неловких моментах, обсуждаем болезни и страхи и растворяемся в атмосфере товарищества.

Благодаря местной радиостанции, которая загодя начинает подготовку к Рождеству, у нас всегда звучит праздничная музыка, и вскоре мастерская заполняется запахом пихты и зелени, готовых нести рождественское тепло во все окрестные дома.

На следующий год возвращаются немногие, но на это короткое время наши жизни меняются. Нас наконец-то слышат и принимают, и наши души наполняются добротой и пониманием. Таково Рождество – порой оно заранее дарит нам лучшие подарки.

Памела Андерхилл Альтендорф

Когда Рождество «пропадает» в четверг

Простота труднее всего на свете.

Леонардо да Винчи, великий скульптор, художник, изобретатель, музыкант эпохи Возрождения

В тот четверг, когда мы с мужем отправились в местный торговый центр, 25 декабря еще не наступило. Хотя как сказать! Уже несколько недель все фонари и витрины магазинов были украшены к Рождеству, а газеты пестрели яркой рекламой.

Но до Рождества оставалось больше двух недель. Мой день рождения был раньше.

- Выбери себе подарок, - сказал Дон. - Ты ведь знаешь, я понятия не имею, что тебе подарить.

- Хорошо, хорошо, - согласилась я. - Но давай побыстрее, ладно? В магазин и обратно. Нужно поставить елку и достать игрушки. К нам ведь приедут внуки - в Рождество нельзя упустить ни одной нашей семейной традиции!

Мы вошли в торговый центр, забежали в ближайший магазин, где я выбрала подарочную карту, чтобы купить что-нибудь позже, и поспешили к выходу. Как оказалось, там только что вымыли пол.

Я поскользнулась на мокром кафеле и рухнула. И встать уже не смогла.

- Мне очень жаль, дорогая, - сказал врач «Скорой помощи», - но вы сломали ногу. Классический перелом Джонса. Нужно наложить шину, придется некоторое время походить на костылях. Держите ногу повыше и избегайте нагрузок на нее.

Хорошо ему говорить! Шина с открытыми пальцами, когда на улице зима? Бр-р-р! А костыли и того хуже. Вы хоть раз пробовали подняться по лестнице на костылях, вытянув одну ногу перед собой? Бах! Я снова лечу лицом вниз и на этот раз разбиваю оба колена. Прощайте, костыли.

В итоге подарком на день рождения в тот год для меня стали кресло-каталка и визит к другому врачу.

– Классический перелом Джонса, – согласился он, сняв недавно наложенную шину. – Шины недостаточно. Вам нужна операция. Я назначу ее на этой неделе.

Но когда я приехала в хирургическое крыло, меня огорошили новым мнением.

– Да, – сказал хирург, рассматривая мои рентгеновские снимки, – у вас действительно классический перелом Джонса. Но операция вам не нужна. Вам нужен ортопедический сапог.

– Нет уж! – запротестовала я. – Мне нужно, чтобы все это закончилось и я снова стала нормальным человеком! У меня еще подарки не куплены! Мне нужно готовить и украшать дом!

Улыбнувшись, он все же выдал мне «сапог» – устройство вроде костюма Дарта Вейдера, в который оказалась закована моя нога от колена до кончиков пальцев. В этот момент я окончательно поняла, что Рождества мне не видать! Даже просто жить с этой штукой было непросто. Кресло-каталка не проходило сквозь половину дверей в нашем доме. Моему мужу пришлось заняться домашней работой, которую обычно выполняла я, и новые обязанности сводили его с ума – я видела это по его вытаращенным глазам.

Потом все стало еще хуже. Вдруг я поняла, что глаза у мужа округлились не просто так.

– Дон! – воскликнула я. – Ты весь горишь!

Когда у него диагностировали острый синусит и бронхит, я решила: «Так, Господи, это последняя капля. Рождество пропало! Пора забыть о наших планах».

Но незадолго до 25 декабря Дону стало лучше. Я привыкла к креслу-каталке. И мы решили во что бы то ни стало отпраздновать Рождество!

Само собой, нужны были перемены. Вместо того чтобы украшать целый дом, мы закрыли двери во все комнаты, кроме тех, по которым я могла свободно передвигаться в кресле. Мы не стали развешивать фонарики и мишуру и оставили только елку. Мне было неудобно украшать ее обычными шариками и гирляндами, поэтому я ограничилась красными пластиковыми цветами рождественской звезды. Не вставая с кресла. И знаете что? Получилось замечательно!

На этом перемены не закончились: я не стала вставать в четыре утра и готовить традиционную индейку, а заказала готовый обед в местном ресторане. Вместо фарфора использовались бумажные тарелки. Большую часть подарков я заказала в Интернете или преподнесла в виде подарочных карт. Выяснилось, что подметать, пылесосить и протирать пыль я способна даже в кресле. На это ушло вдвое больше времени, но я очень радовалась, что сумела справиться сама!

Накануне Рождества я даже смогла приехать на ужин к любимому родственнику, который жил на третьем этаже (без лифта!). Наверх я ползла на четвереньках, зато вниз меня спускал на руках прекрасный молодой человек – и я купалась в лучах всеобщего внимания.

Одно осталось неизменным: когда в Рождество наши дети и внуки появились на пороге, они, как всегда, радостно загалдели и принялись обниматься. Никто не побрезговал ресторанной едой – ее уплетали с тем же аппетитом, что и мою домашнюю стряпню. Возле елки то и дело слышались восклицания: «Ой, как здорово!» и «Не стоило тебе – но ты молодец!».

В конце концов ребята отправились домой с новыми сокровищами, оставив нас с Доном в окружении недоеденных пирогов, грязных бумажных тарелок, мешков скомканной подарочной бумаги – и чудесных, теплых воспоминаний.

Да, Рождество «пропало» в четверг, но в понедельник – точно по расписанию – оно вернулось, яркое, блестящее и восхитительное, как всегда. И нашли мы его у себя в сердце.

Бонни Комптон Хенсон

Рождественский подарок с небес

Есть вещи, которых мы не хотим, но нам приходится их принять; есть вещи, о которых мы не хотим знать, но нам приходится их усвоить; есть люди, без которых мы не мыслим своей жизни, но их приходится отпустить... и продолжать жить.

Неизвестный автор

То Рождество не сулило радости нашей семье. Мы впервые встречали его без отца, который проиграл битву с раком. Мне не хотелось даже думать о празднике, а тем более его отмечать. Я была – и всегда буду – настоящей папиной дочкой. Поэтому, когда мама позвонила мне за восемь дней до Рождества, у меня еще не было ни елки, ни украшений, ничего. Я пыталась забыть, что праздник на пороге.

Мама живет в шести часах езды от нас. Так как я единственная из братьев и сестер работаю дома, именно я всегда забирала ее и привозила на семейное Рождество.

Она спросила, украсила ли я дом. Нет? Такой ответ ее не устроил – даже она нарядила елку, хоть и живет одна. У меня же двое детей – о чем я думаю? Пора ставить елку и готовиться к празднику.

Мне сорок два, но я все еще побаиваюсь маму, так что я все же нарядила елку. А потом съездила за мамой и привезла ее к нам.

И все же я не могла проникнуться духом Рождества – без папы праздник был мне не мил! Шесть месяцев назад мой отец испустил последний вздох, и я больше не хотела быть счастливой. Да, я была воспитана в христианской традиции, а отец ни на секунду не колебался в своей вере, но сейчас это не имело значения. Мне хотелось лишь остаться одной и медленно умереть. Я не желала, чтобы со мной разговаривали, чтобы меня обнимали или даже касались. Я даже собственных детей обнять не могла. Мне нужно было отгородиться от мира, сесть перед компьютером и притворяться, что я ничего не чувствую.

С другой стороны, я понимала, что поступаю плохо по отношению к своей семье: к матери, потерявшей лучшего друга, который был рядом сорок один год; к детям, которым нужна была мать, чтобы помочь им справиться с болью от потери любимого дедушки; к мужу, который на три месяца забыл о собственной семье, чтобы я могла заботиться о папе; к сестрам и брату, которые тоже потеряли отца. Но я не хотела о них думать – я думала лишь о том, какая боль терзает меня.

Отец научил меня, что значит быть христианкой. Он рассказал мне о чудном месте, куда он отправится, простившись с нами. Перед смертью он замкнулся в своем внутреннем мире – его разум уже угас, и тело собиралось последовать за ним. Вечером, накануне своего избавления, он очнулся от ступора, поднял голову и спел Peace in the Valley своим чистым, низким голосом, который мы все любили с раннего детства. Он хотел, чтобы мы порадовались за него – он уходил с миром. Но я не могла радоваться. Мне было слишком больно его терять.

За пару дней до Рождества мама сказала, что приготовила мне подарок. Ей хотелось, чтобы я открыла его, не дожидаясь праздника, прямо сейчас. Решив, что это книга о том, как справиться с потерей, я согласилась, ведь книгой можно было отгородиться от всех. (Я научилась читать в четыре года, и с тех пор мне всегда дарили книги.) И вот я села рядом с мамой, готовясь увидеть очередную книгу. Но нет! В коробке была гирлянда для моей елки. Мама велела мне прочитать, что написано на упаковке.

На лицевой стороне было стихотворение Джона Муни «Веселого Рождества с небес». Прекрасное стихотворение. А на обороте надпись: «Люблю тебя. Папа».

Я вышла на улицу, чтобы мама не видела моих слез, – и боль отпустила. Я плакала, не стесняясь, а когда вернулась в дом, меня ждала эта чудесная женщина, которая, невзирая на главную утрату в своей жизни, думала не о себе, а о своих детях. Это был самый важный рождественский подарок, который мама вручила мне с любовью, свойственной только матерям. Получив его, я почувствовала, что мои раны начали затягиваться. Отец даже в смерти не забыл обо мне и еще раз наполнил мое сердце любовью, подарив мне подарок с небес.

Синди Холкомб

Рождественский урок

Человеческий дух сильнее всего, что выпадает на его долю.

К. К. Скотт, философ

– Сегодня ты будешь заботиться об Эмме, – сказала старшая сестра, распределяя задания. – Это непросто и займет время, но Эмма тебе поможет.

Был канун Рождества, и я с нетерпением ждала следующего утра, когда дети увидят, что принес им Санта. Молодым работающим мамам в это время приходится нелегко, и я не была исключением. Я ужасно устала. Мне пришлось посетить множество рождественских концертов и вечеринок, пробежаться по магазинам, приготовить печенье и сделать все, что положено под Рождество.

На праздники многие взяли отпуск, поэтому больница направляла оставшихся медсестер туда, где в них особенно нуждались. Я уже отработала одну смену в этом отделении и слышала об Эмме, хрупкой восьмидесятилетней старушке, которая молча терпела боль. У Эммы был запущенный рак, который постепенно пожирал ее лицо, обнажая сосуды и заставляя их кровоточить.

Эмма лежала в отделении постинтенсивной терапии, откуда многие пациенты на следующий день собирались домой, чтобы провести Рождество в кругу семьи. Прочитав карту Эммы, я поняла, что она останется здесь. В доме престарелых ей не могли обеспечить надлежащего ухода, поэтому она лежала в нашей больнице, которую уже считала домом.

Я вошла к ней в палату и представилась.

– Дорогая, тебе нравится моя елка? – спросила она.

– Да, – ответила я.

Едва видящая Эмма нарядила чудесную елочку гирляндами и игрушками, которые принесли ей сестры. На кассетном магнитофоне тихо играла

рождественская музыка. Прежде чем я приступила к процедурам, Эмма попросила меня сменить кассету. Я выбрала запись, вставила ее в магнитофон, и из колонок полились звуки моей любимой рождественской песни «Тихая ночь». Я выглянула в окно: в блестящих сугробах отражались яркие фонарики. Их развесили по окнам, чтобы те, кто не мог уйти из больницы на Рождество, чувствовали себя как дома.

Я начала разматывать толстую повязку, которая покрывала голову и лицо Эммы. Меня не предупредили, насколько ее лицо обезображено карциномой, и я не была готова к тому, что увидела. Я изо всех сил старалась не выдать своего ужаса. Я никогда прежде не видела столь изуродованного лица. Мое сердце заколотилось, я вспотела.

Эмма плохо видела и говорила шепотом.

– Милая, ты ведь не боишься? – спросила она.

Я ответила, что не боюсь. Маленькая, хрупкая, измученная болезнью, она без жалоб переносила процедуры, то и дело заверяя меня, что все в порядке, и уговаривая меня не переживать, потому что процедура не так уж болезненна, если все делать аккуратно.

– Ты ведь новенькая, совсем молодая. Дорогая, у тебя есть дети? – поинтересовалась она. (У Эммы все были «дорогими».)

Я рассказала ей о своих малышах и о том, как они ждут прихода Санты.

Тут Эмма коснулась руками моего лица. Она сказала, что хочет знать, как я выгляжу, и заметила, что волосы у меня убраны под шапочку. Она спросила, можно ли дотронуться до моих длинных волос. Я сделала перерыв, сняла перчатки, стащила с себя шапочку и распустила волосы. Она провела по ним пальцами и сказала, что в молодости у нее тоже были длинные волосы и ее муж очень их любил. Он всегда говорил ей, какая она красивая и как он гордится ею и их детьми. Она рассказала мне обо всех рождественских традициях их семьи, о своей любви к мужу и о том, что ему, к счастью, не пришлось видеть ее такой – он умер несколько лет назад.

Процедура длилась около часа, и все это время Эмма шепотом рассказывала мне о своей жизни, пока я с трудом сдерживала слезы, а в палате тихо звучали рождественские песни.

Когда я закончила, Эмма попросила меня на минутку присесть рядом. Вечер выдался спокойным, поэтому я села возле нее, и она взяла меня за руки. Не прекращая говорить, она дала мне совет, который я запомнила на всю жизнь. Она сказала, что почувствовала мою усталость и вспомнила, как уставала сама, когда дети были маленькими, а дел в преддверии Рождества было невпроворот. Глядя на меня из-под толстой марлевой повязки, она велела мне никогда не воспринимать свое здоровье как должное и быть благодарной за все. За то, что я слышу и вижу, могу танцевать по дому с дочуркой на руках (я призналась ей, что иногда так делаю), водить машину, читать книги, петь, смеяться и делать все то, из чего и состоит жизнь и о чем я никогда не задумывалась. Она нащупала мое обручальное кольцо и посетовала, что не может его разглядеть.

Ей на руку упала моя слезинка – я больше не могла сдерживаться.

Она приказала мне не плакать, потому что она смирилась со своей судьбой и мне тоже следует принять все как есть. Эмма взяла с меня обещание жить полной жизнью, пока у меня есть такая возможность, поблагодарила за аккуратную, пусть и болезненную, процедуру и пожелала мне веселого Рождества. Музыка все играла и играла.

Не стоит бежать вперед очертя голову: порой, несмотря на занятость, нужно остановиться и оценить то, что имеешь.

В тот вечер, выйдя из палаты, я поняла, что это была удивительная встреча. Слабая старушка, цепляющаяся за жизнь, почувствовала тревогу юной медсестры, захотела прикоснуться к моим волосам, поговорить со мной, дать совет молодой матери. Она показала мне, сколько всего я принимаю как само собой разумеющееся, и напонила, каким должно быть настоящее Рождество.

В праздники я не работала, а потом вернулась на свое обычное место, в операционную, и больше никогда не видела Эмму. Но я до сих пор помню этот вечер, и не сомневаюсь, что наши пути пересеклись не случайно.

Эмма объяснила мне, что не стоит бежать вперед очертя голову: порой, несмотря на занятость, нужно остановиться и оценить то, что имеешь. Это особенно важно в Рождество, истинный смысл которого порой теряется в суете и лихорадке поспешных приготовлений. Этот урок я запомнила навсегда.

Бонни Джарвис-Лоу

Нелепая обезьянка

Не сдерживай слезы. Пусть они омоют твою душу.

Эйлин Мейхью, писатель

Рождество, как всегда, подкралось незаметно. В тот год мне было особенно грустно: я уже в тридцатый раз встречала его без родителей. В надежде обрести праздничное настроение, я договорилась отправиться по магазинам с подругой.

Мы бродили по антикварному магазину «У Студебеккера», и в мыслях я снова возвращалась в прошлое, в прекрасные счастливые времена. Вот красно-белый кухонный стол, покрытый эмалью, вот агатовые миски, вот спальный гарнитур, совсем как в спальне моей матери... Его еще сравнивали с водопадом, потому что деревянная резьба обтекала его формы, как вода Ниагарского водопада. Мама рассказывала, что они с отцом провели на Ниагаре медовый месяц. Никуда дальше она в своей жизни не ездила. Мир тогда был гораздо меньше...

Тридцать лет назад в канун Рождества мама умирала от рака груди. Мне было девятнадцать, и я изо всех сил старалась устроить ей хорошее Рождество. Я украсила нашу тощую искусственную елку множеством пестрых игрушек, которые мы вместе развешивали каждый год. В жалкой попытке воссоздать чудесные запахи, которые могли напомнить о лучших временах, я испекла печенье и яблочный пирог. Папа и младший брат Билли не путались у меня под ногами – этому их научила мама. Всеми этими делами обычно занималась она, и теперь я перехватила эстафетную палочку.

В тот день я заметила у мамы на щеках блестящие влажные дорожки – у нее из глаз беззвучно катились слезы. Я тут же подумала: «О нет, что я делаю не так?» – как будто все в этом мире вращалось вокруг меня.

– Мам, что случилось? – спросила я.

– Мне нечего подарить тебе на Рождество, – призналась она.

– Ничего. Обо мне не беспокойся.

Она вложила мне в руку двадцать долларов и сказала:

– Сходи в центр, купи себе что-нибудь. Мне хочется, чтобы ты тоже нашла подарок под елкой.

Я знала, что маму нельзя оставлять одну ни на минуту. Она была очень слаба и с трудом вставала с кресла. Несколько раз она даже падала, пытаясь перейти из комнаты в комнату. Я дежурила возле нее, на случай если ей понадобится помощь.

Я много лет сердилась на родителей. Мне казалось, что они сдались раку без боя. Я корила отца за то, что он опустил руки, ушел, не найдя в себе сил остаться с нами.

Убедившись, что ей удобно, я схватила куртку и побежала в центр. На углу я заметила магазинчик сладостей, где продавали домашний шоколад и кое-какие подарки. Когда я подошла ближе, мой взгляд за что-то зацепился. В витрине сидела ужасно нелепая керамическая обезьянка. К ее рту был приклеен розовый шарик, как будто она жевала жвачку и изо всех сил старалась надуть громадный пузырь.

Я купила немного крекеров в шоколаде, которые обожала мама, коробку мятных конфет, которую она могла подарить отцу, и коробку вишен в шоколаде, которые любили они оба. Но мне нужно было выбрать что-нибудь и для себя. Я спросила продавщицу, продается ли обезьянка. Женщина улыбнулась и сказала:

– Все смеются, глядя на эту глупую обезьянку, но никто еще не хотел забрать ее домой. Конечно, она продается.

Она положила мою обезьянку в белую коробку и завернула в ту же бумагу, в которую упаковала сладости.

Когда я пришла домой, мама спала. Я разложила подарки под елкой. Открыв их в тот вечер, мы все рассмеялись при виде моей нелепой обезьянки. И главное – смеялась и мама.

То Рождество стало последним счастливым праздником для нашей семьи. Мама умерла в январе от своей болезни. Папа скончался через месяц от горя – так мне сказали. Я поняла, что жизнь кончена.

Я много лет сердилась на родителей. Мне казалось, что они сдались раку без боя. Я корила отца за то, что он опустил руки, ушел, не найдя в себе сил остаться с нами. Я убрала подальше семейные фотографии, боясь, что стена, которую я воздвигла вокруг себя, может рухнуть. Я гордилась тем, что никогда не плачу. Та обезьянка несколько лет сидела на полке в моей комнате, но в конце концов куда-то делась. Я не слишком расстроилась, ведь она лишь напоминала о боли, которую мне пришлось пережить.

У меня нашли рак груди, когда мне было сорок два. Я выбрала самое агрессивное лечение. Страдая от болезни, особенно когда меня мучили тошнота и слабость – побочные эффекты лекарств, – я больше всего на свете хотела, чтобы мама была рядом. Я снова чувствовала себя маленькой беззащитной девочкой и мечтала, чтобы ее прохладная рука легла мне на лоб, проверяя, нет ли температуры. Я вспоминала, как она придерживала мои длинные волосы, когда меня тошнило, и как сидела рядом, когда я болела, ласково глядя меня по щеке.

Воздвигнутая вокруг меня стена дрогнула. Я впервые вытащила коробки с фотографиями и позволила себе вспомнить. Все это было так давно, что казалось, будто фотографии были сняты в другой, не моей жизни. Я улыбнулась, увидев снимок нелепой обезьянки. Стена упала, и по щекам у меня полились слезы, которые я сдерживала много лет.

Болея, я решила узнать как можно больше о недуге, который забрал у меня семью и вернулся за мной. Я выяснила, что, когда моей матери поставили диагноз, у нее уже не было выбора. И мой гнев прошел. Вместо этого я почувствовала ужасную печаль. Мне стало грустно, ведь, зная больше о раке в свои девятнадцать, я бы, возможно, смогла лучше все понять. Я прочувствовала тот страх, который мучил ее, и осознала, насколько она любила меня. Даже болея, она в первую очередь стремилась защитить меня и позволить мне как можно дольше оставаться ребенком.

И вот я стою в магазине «У Студебеккера» и убиваю время, ожидая, пока закончатся праздники. Моя подруга берет в руки крошечную фигурку спящей кошки, и тут на полу я замечаю точную копию той нелепой обезьянки, выдувающей пузырь из розовой жвачки!

Я подняла ее и заплакала от счастья. Баюкая ее, я понесла ее на кассу. Продавщица аккуратно обернула ее в бумагу, прямо как та женщина в магазине сладостей много лет назад, и круг моей жизни замкнулся. Я получила рождественский подарок с неба.

Энн М. Шеридан

Глава 2

Устрой себе веселое Рождество

Лишний носок

Мама – это такой человек, который, обнаружив, что на пятерых есть только четыре куска пирога, быстро объявляет, что пирога ей совсем не хочется.

Теннева Джордан, автор афоризмов

Я почувствовала, как мои щеки вспыхнули от смущения. И как только я не заметила?..

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Пуансеттия (Рождественская звезда) – растение семейства молочайных с яркими красными цветами. Пуансеттией украшают дома на Рождество в Америке и Европе.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/hansen_emi/kurinyy-bul-on-dlya-dushi-101-rozhdestvenskaya-istoriya-o-vdohnovenii-lyubvi-i-chude

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)